

Елена
Степанян

«Рассказы
о чудесах»

Елена Степанян

«Рассказы о чудесах»

Драматические
произведения

2-е издание (электронное)

Москва
Тервинф
2016

УДК 821.161.1(081) Степанян Е.
ББК 84(2=411.2)6я44
С79

Степанян, Елена.

С79 Рассказы о чудесах [Электронный ресурс] : драматические произведения / Елена Степанян. — 2-е изд. (эл.). — Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf : 266 с.). — М. : Теревинф, 2016. — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10".

ISBN 978-5-4212-0374-2

В книгу включены произведения, затрагивающие различные эпохи и пласты мировой культуры. Объединяет их энергия религиозного чувства, мотивирующего поведение героев.

В «Рассказах о чудесах» драматически переплетаются судьбы хасидского цадика, бродячего проповедника и главы Римской Католической церкви.

Герои «Терджибенда», наши современники, строят свою реальную жизнь на идеалах мусульманских поэтов-суфиев.

В «Мистере Гольдсмите» сочетаются мотивы романа «Векфелдский священник» с эпизодами биографии его автора, убежденного христианина-протестанта.

Сюжет «Сказки о железных башмаках», традиционный для фольклора многих европейских народов, восходит к «Песне Песней» царя Соломона.

Все произведения созданы на рубеже 70–80 гг. XX века, когда была исключена возможность литературных публикаций подобной тематики.

УДК 821.161.1(081) Степанян Е.
ББК 84(2=411.2)6я44

Деривативное электронное издание на основе печатного издания: – Рассказы о чудесах : драматические произведения / Елена Степанян. — М.: Теревинф, 2015. — 264 с. — ISBN 978-5-4212-0256-1.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации

ISBN 978-5-4212-0374-2

© Е. Г. Степанян, 2015
© «Теревинф», оформление, 2015

Рассказы о чудесах

Пьеса-притча

Действие происходит (условно) в XVIII в.

Сцена первая

Комната. Мать мечется из угла в угол, горестно заламывая руки.

Мать. Иосиф! Иосиф! Иосиф! О где же ты, дитя мое! Где мне тебя искать?!

Рыдая, она опускается на скамью. Входит отец.

Отец. В чем дело? Что тут за шум? Что за беда стряслась?

Мать. Ужасная, ужасная беда! Пропал Иосиф!

Отец. Как это так? Куда он мог пропасть?

Мать. О, если бы я это знала! Горе мне, горе! С моим мальчиком случилась беда, а я даже не знаю, где он!

Отец. Да с чего ты взяла, что он пропал? Разве он не на занятиях у ребе?

Мать. Нет! Нет! Только что приходил шамес из синагоги и сказал, что его там нет! А ребе ждет его и не хочет без него начинать!

Отец. Ну и получайте все, чего хотели! Когда парень с са-

мых пелён ничего не слышит, кроме похвал! Должен же он был когда-нибудь одуреть вконец! Ты же так гордилась, что у тебя сын не такой, как у прочих, а чудо света, будущий великий учитель! словно ты для этого специально постаралась! Что ж ты теперь ревешь, что он сам себе порядки устанавливает?

Мать. Пусть все, что я заслужила, падет на мою голову! Мне все равно не будет хуже, чем сейчас! *(Рыдает.)*

Отец. Ну успокойся! Найдется же он, в конце концов!

Мать. Ох, сердце мое разрывается! Я давно уже предчувствовала этот день! *(Отец недоверчиво подымает брови. Мать продолжает, понизив голос.)* Давно уже стала я замечать, что Иосиф встает и уходит из дома, когда на небе едва только можно различить первые лучи солнца! Не знаю почему, но мне в этом чудилось что-то недоброе! О, я гнала от себя эти мысли — разве можно было заподозрить в чем-нибудь плохом моего сына, ведь он уже в тринадцать лет знал наизусть всю Гемару!

Но вчера я решила, что на этот раз... Я не знала еще, что я сделаю — пойду ли за ним или только спрошу его!.. Но дело в том, что сегодня я впервые не услышала его шагов, а под самое утро мне приснился такой сон, что когда я проснулась, я уже знала, что нас ждет беда!

Отец *(ворчливо)*. Уже и ты стала видеть вещие сны!

Мать. Ох, не видеть бы мне этого никогда! Мне снилось, что все местечко горит, а по улицам носятся какие-то страшные люди, врываются в дома! Я хочу спрятать детей, но никак не могу найти Иосифа! Во сне я забыла, что он уже вырос — я искала его маленького, — но его все равно не было, не было нигде!

Входит шамес — синагогальный служка.

Шамес. Мирьям, ради всего святого, где твой сын? Ребе не начинает без своего любимого ученика! Он сидит мрачнее тучи, а все головы от страха поднять не могут! Такого еще никогда не бывало! Куда он мог подеваться?

Отец. Он, наверное, вообразил, что уже все знает! Ну конечно! Пока я тут чиню башмаки, мой сын превзошел самого ребе!

Мать. Не слушайте его, реб Янкель! Поверьте моему сердцу, — с мальчиком случилась беда! *(Бежит к дверям.)* Иосиф! Где же ты, Иосиф?!

Голос маленького брата. Иосиф на заднем дворе! Он спрятался в стог сена и плачет! И не хочет идти!

Отец. Ну, у меня быстро захочет! *(Выходит.)*

Мать. Плачет? Почему он плачет?

Отец *(тащит за собой Иосифа и бросает его на скамью).*
Иди-ка сюда, мерзавец! Сейчас я с тобой разделаюсь!

Внезапно все смолкают. Входит Цаддик и делает всем знак удалиться. Несколько мгновений Иосиф закрывает лицо руками. Затем отрывает руки и подымает голову.

Иосиф. О ребе! Не смотри на меня так! Я не могу вынести твоего взгляда!

Цаддик. Если бы ты умел видеть, Иосиф, ты прочел бы в моем взгляде только любовь и сострадание! Но на глазах твоих пелена!

Иосиф. Да! Да! Это мой грех, мой тяжкий грех застилает мне глаза!

Цаддик. Днем и ночью открыты врата, которыми возвращаются падшие и раскаявшиеся. Тот, кто прошел сквозь них, будет оправдан, какое бы зло он ни совершил!

Иосиф. О, я раскаиваюсь, я всем сердцем раскаиваюсь, ребе! Выслушай меня, помоги мне снять с души этот страшный гнет! Я не могу больше скрываться от тебя! *(Он бросает на Цаддика испытующий взгляд. Цаддик хранит мрачное молчание.)*

Ребе! С тех пор как я научился читать, ты наполнял мою душу премудростью. Но чем больше я узнавал, тем сильнее становилась во мне жажда узнать еще больше! Я с нетерпением ждал, когда же начнется самое главное! *(Иосиф снова бросает взгляд на Цаддика. Тот по-прежнему молчит.)* Я ждал, что ты начнешь учить меня творить чудеса! Но ты медлил, ребе! О, конечно, ты ведь лучше моего знаешь, когда и чему приходит срок, а я...

На кладбище, как ты знаешь, ребе, есть сарай, в котором хранятся ветхие книги и ждут своего часа, чтобы быть погребенными в земле! Там-то я и отыскал все, что мне было нужно! Так мне казалось, по крайней мере! Эта наука давалась мне легко, как и всякая другая! У меня... У меня даже получалось кое-что!.. Но мне хотелось, чтобы это было настоящее, великое чудо, а не какие-то мелкие фокусы... И вот произошло самое страшное... *(Цаддик, стоявший до этого с опущенной головой, выпрямляется и с этого момента смотрит ему в глаза.)*

Когда я понял, когда я увидел, что никакой чудотворец из меня не получился, меня охватил жуткий страх! Мне казалось, что я уже больше никогда ничего не смогу, что я забыл все, что знал прежде! О, мне и теперь страшно вспомнить об этом! В своем ничтожестве

я стал ненавистен сам себе! Мне хотелось исчезнуть, не быть никогда, чтобы люди забыли самое мое имя! Я... Я чуть было не убил сам себя, но, видно, твоя молитва меня удержала! (...) О ребе, я виновен! Назначь мне любое наказание — я ко всему готов! Ведь отчаяние — тяжелейший грех.

Цаддик. Нет, дитя мое, это не грех! Это плата за грех!

Иосиф. Как... Значит то, что я посмел?.. Ребе, этого не будет никогда! Я отдаю всю свою волю тебе! С этого мига я не пошевелю рукой без твоего согласия!

Цаддик. Скажи, Иосиф, какое чудо ты хотел сотворить?

Иосиф (*опуская голову*). Я хотел низвести огонь!

Цаддик. Зачем?

Иосиф (*дрожащим голосом*). Это была самая сложная задача, которую я мог перед собой поставить! Ведь мы должны стремиться к тому, чтоб достигать все более... Ребе, почему ты так смотришь на меня? Неужели ты думаешь, что я хотел причинить кому-нибудь зло? Но кому? У меня же нет врагов! Ведь все до одного любят меня и почитают гораздо больше, чем я того заслуживаю!

Цаддик. А если они узнают, что ты никогда не станешь тем, кого они хотят видеть в тебе, как ты думаешь, сохранят ли они прежнюю любовь?

Иосиф. О горе мне! Мог ли я подумать, что буду так несчастен! Ребе, помоги мне! Ведь для тебя нет невозможного! Я хочу только одного — стать таким, каким я был вчера!

Цаддик. Но ведь ты же был таким вчера! Не обманывай себя, Иосиф! Вслед за вчера неизбежно приходит се-

годня! Не в прошлое, а в будущее возвращается тот, кто раскаялся!

Иосиф. Но как же мне каяться в том, чего я даже не могу понять, ребе? Ах, сколько раз я видел, как люди со смущенной душой приходили к тебе, и ты разъяснял им их грехи и заблуждения! Неужели ты откажешь в этом мне?

Цаддик. Всю твою жизнь я учил тебя, Иосиф, — и вот, я задал тебе единственный вопрос! Ты должен ответить на него сам. *Твой* голос хочу я услышать — и тогда я укажу тебе путь к возвращению! Это последнее, чему я должен научить тебя!

Иосиф. Ребе, что ты говоришь? Ты не хочешь больше учить меня? Ты меня прогоняешь?

Цаддик. Ты сам это выбрал, Иосиф! Ты захотел стать самим собой, но заблудился и попал на кладбище. Теперь ты дрожишь от страха перед неизвестным и готов отказать себя, отдать свою волю другому!

Но мне дорога *твоя* душа, Иосиф, и только *твое* раскаяние может очистить ее!

Иосиф (*в ужасе*). Когда же это будет?

Цаддик. Когда этот день придет, я найду тебя даже в глубине преисподней, Иосиф!

Иосиф. О, не бросай меня, ребе, — без тебя я погибну! Ты же видишь — стоило мне отойти от тебя на шаг, и я сразу заблудился! А теперь я совсем беспомощен! Я смотрю вокруг — и ничего не узнаю! Даже эти стены кажутся мне чужими и враждебными!

Цаддик. Ты сказал, что у тебя нет врагов! Во всем, что будет происходить перед твоими глазами, ты должен винить самого себя!

Сцена вторая

Постоялый двор в горах. Хозяева — муж и жена — сидят у огня.

Жена. Какая вьюга страшная! Послушай, как завывает! Кажется, вся округа сорвалась с места и несется неведь куда! Скажи, Авром, а дом наш не повалит?

Муж. Если б я сам его ставил, было бы чего бояться! Но его поставил еще мой дед, — уж верно, не за тем, чтоб его повалило!

Жена. Ох, сил нету этот вой слушать! И спать лечь страшно! И за что только мы должны жить в этой глуши? Днем — тоска, а по ночам от страха сердце ноет!

Муж. За что да почему! Да потому что на всю эту местность один-единственный постоялый двор, а я — его хозяин! Продать — никто не купит, прибыли наши известные! А бросить все и уйти в долину, так посуды сама — опять придет зима, завоюет вьюга, и мы будем думать, что здесь, в горах, кто-то бродит вокруг нашего покинутого дома и умирает без тепла и пищи! Нет, мне это не по вкусу! Лучше уж буду сидеть у своего очага и дожидаться своих гостей!

Жена. Нет уж, этой ночью лучше обойтись без гостей! По такой вьюге разве что нечистый дух пожалует!

Муж. Погоди-ка! Мне кажется, или и впрямь кто-то зовет?

Голос Шлоймы. Эй! Отворите! *(Стучит.)*

Жена. Ой, подожди! А вдруг и в самом деле нечистый?..

Муж. Ну нет уж! В моем доме ему делать нечего! Иду! Иду!

Шлойма (*входит, весь облепленный снегом*). Мир вам! Наконец-то до вас добрался! С раннего утра сюда иду!

Муж. Иди скорей к огню! Куда путь держишь?

Шлойма (*отряхая снег*). Да как сказать! С утра шел к вам! А передохну — пойду обратно!

Муж и жена удивленно переглядываются.

Жена. Как странно! Разве ты не в Дилленбург? Здесь проходит дорога в Дилленбург!

Шлойма. Нет, туда я на этот раз не поспею! Пора уж мне домой возвращаться!

Муж и Жена (*удивленно*). А где же твой дом?

Шлойма. В Межеричах!

Муж. А где же эти Межеричи?

Шлойма. В Польше!

Жена. А где же эта?.. (*Муж машет на нее, чтоб она замолчала.*)

Муж. Так что же тебя занесло к нам в такую вьюгу?

Шлойма. Мне сказали в местечке, там внизу, что в этих краях есть еще один дом, где живут добрые люди, и я поспешил сюда!

Муж. Для того, чтобы на нас посмотреть? Что за чудеса!

Шлойма. Да! Да! Именно чудеса! Великие чудеса! Сейчас все объясню! В Межеричах жил цаддик — великий праведник и чудотворец. А я — его ученик! Зовут меня Шлойма! Цаддик завещал мне ходить по свету и рассказывать о его чудесах!

Муж. Цаддик, говоришь? Что ж, и я слышал, что бывали на свете цаддики, и даже показывали какие-то чудеса. Только, боюсь, что мне с этого никакого проку.

Шлойма. Вот видишь, а цаддик как раз для того и послал меня ходить из страны в страну, чтобы напомнить тебе и всем остальным, что нет ничего на свете, что было бы людям нужнее, чем чудеса.

Хозяйка ставит на стол еду для Шлоймы. Он с жадностью набрасывается на нее.

Муж. Да кто сейчас верит в чудеса?

Шлойма (*вскакивает*). Я! Я верю! И я шел сюда с самого рассвета, чтобы тебе об этом сказать!

Муж. И давно ты так бродишь?

Шлойма. Вот уже шестой год!

Муж. Да, незавидная доля! У тебя, поди, ни кола, ни двора, и родных никого нет?

Шлойма. Как же — есть! Жена и двое ребятишек!

Жена. Как? У тебя — семья? Господи! Вот уж тут пове-ришь во что угодно! Хорошая у них жизнь, ничего не скажешь! Как же они еще с голоду не умерли?

Шлойма (*со вздохом*). Знаешь, я и сам порой удивляюсь! А посмотреть на это с другого конца — то раз мы живы, значит, еще не все потеряно, значит, у прочих людей сердце еще не совсем в камень превратилось! Я ведь домой всегда не с пустыми руками возвращаюсь!

Муж. А часто ли?

Шлойма. Если повезет — два раза в год!

Жена. Чем же ты провинился перед своим цаддиком, что он обрек тебя на такую страшную жизнь?

Шлойма. Ах, что ты говоришь! Он любил меня больше всех своих учеников! Мы-то видим не дальше собственного носа, а цаддик заглядывал в будущее! Кто знает, может быть, сидя на печи, я раньше бы оставил детей сиротами! А сейчас жив, как видишь! *(Помедлив)* А потом, раз он знал все наперед, то знал ведь, конечно, что кроме меня никто на это не согласится!

Жена. Смотри-ка, и ведь не ошибся! Бывает же такое!

Муж. Послушай, ну вот если ему так все про тебя было известно, мог ли он знать, что в один прекрасный день ты окажешься вот здесь, в моем доме? Про меня он что-нибудь знал? Вот такое мне бы очень понравилось! Сидишь тут, в Богом забытых горах, а кто-то, неведь где, о тебе знает! И выходит, что ты не один на свете и сидишь тут, может быть, не зазря!

Шлойма. Да ты сам посуди, что бы со мной сегодня было, если бы ты тут меня не дождался! (...) И хоть я не знаю всякий раз, куда я попаду, с кем встречу, но я всегда вспоминаю слова, которые он больше всего любил мне говорить, мой цаддик, — что

все, что видим мы на свете:
событья, люди, звезды, камни, травы,
единой нитью связаны живой!
И если убивают человека,
То где-то, на другом конце вселенной
его звезды сиянье угасает,
и канет целый мир во мрак и холод.
А люди все, что встретились нам в жизни,
есть наших душ живые отраженья,
но сами этого не понимают

и, как слепые, в зеркало глядятся!
И странствие, в которое меня
на весь мой трудный век отправил цаддик, —
одно звено в великой цепи странствий,
что совершают звезды и планеты,
народы через страны и века,
и души, странствуя из тела в тело!

И все же мне куда лучше, чем другим странникам.
Я хожу по свету из любви к моему цаддику, а кого-ни-
будь судьба швыряет с места на место, и он даже не
спросит, за что!

Жена. Смотрите, вьюга улеглась! До чего ж красиво —
небо светлеет, а звезды все до одной видны!

Шлойма. Ну что ж, пора мне и домой собираться! Что
ни говори, а в этот раз долго пришлось жене меня до-
жидаться!

Жена (*сует ему узелок*). На вот, отвези ей от меня!

Муж. И знаешь, если тебе случится когда-нибудь опять
в наших краях оказаться, ты уж потрудишься, зайди
к нам — мы увидим, что ты еще жив, все же на душе
легче станет!

Шлойма. Ну, тогда — до встречи!

Сцена третья

Дорога. У обочины лежит Иосиф. К нему направляется
монах.

Монах (*наклоняясь к нему*). Эй! Очнись! Ты жив или
мертв?

Иосиф (*очнувшись*). Где я? Что со мной?

Монах. Ты лежишь на дороге в Краков! А вот что с тобой, надо бы спросить у тебя! (*Иосиф понимает, что перед ним монах, и отшатывается.*) Ты, видно, давно ничего не ел, и ноги у тебя в крови! Здесь неподалеку обитель святого Стефана, дай я помогу тебе добраться туда! Ты сможешь поесть и отдохнуть.

Иосиф. Нет-нет! Добрый человек, умоляю тебя, оставь меня одного. Мне осталось идти совсем недолго! (*Монах пытается прислонить его к дереву.*) Нет-нет! Не трогай меня, прошу! (*Вскакивает.*) Ты видишь, я уже стою на ногах!

Монах. Ну, как знаешь! (*Пожимает плечами и уходит. Иосиф снова падает на землю. Слышится стук колес и ржанье лошадей. К Иосифу подходит Антонио.*)

Голос Лоренцо (*из-за сцены*). Ну, в чем там дело?

Антонио. Синьор, мы, видно, сбились с пути и попали в неизвестную страну! На этом туземце диковинная одежда и волосы как-то странно растут!

Лоренцо (*входит*). Что за ерунда! (*Наклоняется к Иосифу.*) Ну и дурак же ты, Антонио! Пять лет таскаю тебя по всему свету, а ты не можешь распознать обыкновенного еврея! Эй, малый, очнись! Ты жив?

Иосиф (*слабым голосом*). Оставьте меня, добрые люди!

Лоренцо. Ну нет, уж раз я из-за тебя вылез из кареты, ты обязательно должен сказать мне, что ты тут делаешь?

Иосиф. Жду смерти!

Лоренцо (*со смехом*). Я тоже! С самого рождения! И чтобы как-то заполнить это ожидание, путешествую по всему миру! Послушай, а не взять ли мне тебя с собой? Мне

нравится твоя физиономия! И глаза у тебя чертовски умные! Или это они от голода так блестят?

Иосиф. Не делайте этого! Я страшный грешник! Я принес несчастье всем своим близким!

Лоренцо. Чем же, хотел бы я знать? Может быть, тем, что сбежал от них? Я бы, признаться, тоже очень огорчился, если бы от меня сбежал такой забавный паренек!

Иосиф. Ах, вам этого не понять!

Лоренцо (*притворно обидевшись*). Вот как! Ну что ж, вдвойне приятно познакомиться с человеком, который понимает больше твоего! Эй, Антонио, принеси этому мудрецу стакан вина и кусок мяса, может быть, подкрепившись, он поделится с нами своей премудростью!

Иосиф. Я ничего такого не ем!

Лоренцо. Ах да, совсем забыл! А хлеб ты будешь есть?

Иосиф (*замявшись*). Если уж вы так добры... может, у вас найдется...

Лоренцо. Все понятно! Антонио, нет ли у нас каких-нибудь овощей?

Антонио. Вот только эти огурцы. (*В сторону*) Какой выгодный гость к обеду. (*Иосиф начинает есть.*)

Лоренцо. Ешь, бедняга! А я выпью за твое здоровье! И за то, чтобы и мне поумнеть и понимать не меньше твоего!

Иосиф. Простите! Я не хотел вас обидеть! Просто до этой встречи мы жили в разных мирах, где из одного в другой не проникает ни звука! Я уверен, что не знаю ничего из того, что знаете вы!

Лоренцо. Зато, несомненно, знаешь многое другое! Ты парень непростой! Чем же ты занимался в этом своем «мире»?

Иосиф. Ну, как бы это сказать... учился на раввина!

Лоренцо. Так ты наверняка знаешь каббалу и всякие такие штуки? (*Иосиф делает неопределенный жест.*) Ну все! Решено! Ты едешь со мной!

Иосиф. Лучше бы этого не делать! Я приношу несчастье, я же сказал вам!

Лоренцо (*смеется*). А я, знаешь ли, человек рискованный! Я охотился на тигров и в сильные туманы ходил по альпийским перевалам! Почему бы мне не сыграть в кости с самой судьбой?

Сцена четвертая

Комната в бедном доме. Шлойма спит на лавке. У печи хозяйка.

Муж хозяйки (*входит*). Где этот бродяга?

Жена (*удивленно*). Спит!

Муж. А ну, разбуди его и пусть убирается!

Жена. Что ты! Он же так устал! Он три дня был в дороге!

Муж. А почему я знаю, правда ли это? Почему я должен верить в его россказни!

Жена. Да как же так?

Муж. Я все сказал. Эй ты, вставай и пошел вон!
(*Шлойма просыпается и удивленно смотрит на них.*)

Слышишь?! Убирайся отсюда, только сначала заплати за вчерашний ужин!

Шлойма. Что ты, добрый человек? За что ты так рассердился на меня?

Муж. Я не люблю, когда из меня делают дурака проходимцы и обманщики!

Шлойма. Я не обманщик!

Муж. Нет, обманщик! И ты, и твой жулик-цаддик!

Шлойма. Ах, что ты говоришь!

Муж. То, что ты слышишь! Распелся тут, — чудеса, чудеса! Чудотворец из Межеричей! Я сунулся было с этим к соседу — вот, мол, какой гость ко мне забрел, подарок к празднику! А тут оказывается, что он и сам жил в этих Межеричах, да еле ноги оттуда унес!

Шлойма. Не понимаю! Что же с того? Не станет же он отрицать!.. Цаддика знала вся Польша и пол-России! К нему губернаторы ездили за советом!

Муж. Замолчи! Это ты вчера уже рассказывал! А вот что Межеричи сгорели после погрома, почему-то не рассказал, забыл! Да на кой же он был нужен, твой цаддик, если не мог спасти местечка? Байки рассказывать? От губернаторов подарки получать? Все вы хороши, пока крыша над головой не горит, а когда придет беда, то поминай как звали! Да и вас тогда никто не вспомнит!

Шлойма. Ты думаешь, я сам не помню этого дня? Мне было всего восемь лет, но я с тех пор всегда пугаюсь запаха гари... Мать спрятала меня и сестер в погребе!.. Дома горели всю ночь, но потом местечко быстро отстроилось... Да и не погиб никто, один только человек

пропал!.. Мать говорила, что если бы не цаддик, то было бы куда хуже!.. Но сам он об этом никогда мне не рассказывал.

Муж. Еще бы! Он учил тебя морочить людей, а помогать им в беде не ваша специальность!

Шлойма (*в глубокой задумчивости*). Как же это могло случиться? Такое горе страшное... Почему он не захотел?..

Муж. Ну ладно, не о чем тут больше говорить! Плати деньги и убирайся!

Жена. Да что ты делаешь, изверг! У него же в кармане три медяка! Сами вчера видели.

Шлойма. Оставь его. Он прав. Я должен расплатиться сполна. (*Отдает хозяину деньги.*) Прости меня! Я ухожу! Поверь мне только в одном — чудеса есть! И если они не происходят, то в этом виноваты мы сами, только мы! (*Уходит.*)

Сцена пятая

Кабинет Лоренцо в его римском доме. Иосиф сидит, забившись в угол дивана. Входит Лоренцо.

Лоренцо. А, вот ты где! Я уже обыскал весь дом! Ты прячешься здесь от нашего доброго патера Сальвини? Долго еще ты будешь шарахаться от него, как от зачумленного? Мне просто стыдно за тебя!

Иосиф. Но я же объяснял вам! Нам нельзя общаться с идолослужителями!

Лоренцо (*смеется*). Бедный ты мой мальчик! Какой он те-

бе идолослужитель? Он иезуит, а это, по моему твердо-
му убеждению, означает, что он не верит ни в бога, ни
в черта!

Иосиф. Этого не может быть! Зачем же тогда он стал свя-
щенником?

Лоренцо. Нет, ты у меня просто идиот! Я к этому никогда
не привыкну! Тебе легче выучить китайскую грамма-
тику, чем научиться понимать простые житейские ве-
щи! Ладно, я не сержусь! Все равно ты сегодня был мо-
лодцом! Оставим патера в покое! *(Входит патер
Сальвини.)*

Сальвини. Напротив, я сам хочу побеспокоить вас! *(Лорен-
цо отвечает легким поклоном, Иосиф забивается еще
дальше.)* Я покинул ваших гостей, чтобы выразить свое
восхищение успехами нашего юного друга, а также ва-
шим педагогическим талантом, дорогой синьор Лорен-
цо! Трудно поверить, что за столь короткий срок мож-
но приобрести такие обширные познания, да еще за-
говорить сразу на четырех языках! Ваш эксперимент
блестяще удался!

Лоренцо *(похлопывает Иосифа по плечу).* Только с помо-
щью этого синьора! Один ученый гебраист сказал мне,
что он представляет собой феномен, который немец-
кие евреи называют специальным термином «а идише
коп». *(К Иосифу)* Слышал такое?

Иосиф. Приходилось!

Сальвини. Ваш воспитанник чем-то огорчен?

Лоренцо. Вашим присутствием, дорогой синьор! Он вас
боится!

Сальвини. О, совершенно напрасно! Я чувствую к вам са-

мое дружеское расположение, милый Иосиф, и хотел бы принять участие в вашей дальнейшей судьбе!

Лоренцо. Боюсь, что он вам этого не позволит!

Сальвини. Сложность задачи делает ее еще интересней! Для начала я хотел бы услышать ответ на один вопрос! Никакое учение, даже самое блестящее, не может продолжаться без конца. Оно неизбежно перерастает в какую-либо деятельность. Вам приходилось уже думать в этом направлении? Какую судьбу хотели бы вы избрать?

Иосиф. Синьор, люди, которые воображают, что они сами избирают свою судьбу, глубоко заблуждаются!

Сальвини. Bravo! Однако чрезмерный фатализм одних нередко побуждает других взять на себя роль их фортуны!

Лоренцо. Дорогой патер, вам не придется играть роль фортуны Иосифа по одной простой причине — он не крещен, поэтому вне стен еврейского гетто он может заниматься только торговлей! Я так его люблю, что с удовольствием открыл бы для него лавочку, но боюсь, что в этом деле он окажется еще бездарней меня, он быстро прогорит!

Сальвини. Проблема крещения серьезна, но вполне устранима!

Лоренцо. Нет, синьор, тут у нас ничего не получится! Я уже пробовал однажды, чтобы облегчить ему жизнь, но он наотрез отказался. И он прав! С какой стати ему менять свой еврейский рай, в который он верит, на мой католический, в который я не верю?

Сальвини. Тогда ему придется довольствоваться всю

жизнь ролью частного лица, это крайне обидно при его способностях!

Лоренцо. Его такая жизнь устроит, не сомневайтесь! В этом мы с ним вполне сходимся! И вообще, нет ничего на свете омерзительней, чем честолубие и потуги его реализовать!

Сальвини. Деятельность может быть бескорыстной!

Лоренцо. Ну, что такое бескорыстная деятельность на благо человечества, это всем известно! Она сводится к тому, чтобы при жизни о вас говорили как можно больше, а после смерти написали если не сто томов, то хоть тощенькую книжечку! Нет, нас такой гонорар не устраивает! Мы берем дороже! Только Иосиф предпочитает вечное блаженство, а я кратковременное — в этой жизни!

Сальвини. Позвольте заметить, здесь есть некоторая разница! Впрочем, мы еще вернемся к этому разговору, а я пока что вернусь к остальным гостям. *(Выходит.)*

Лоренцо. Ну всё! Теперь он от тебя не отвяжется! Это железное правило их ордена — как завидят способного парня, сразу тащат его к себе!

Иосиф. Так мне и надо! Я вполне это заслужил! Скоро ко мне явится сам дьявол и станет предлагать свою дружбу!

Лоренцо. Смею тебя заверить, что мой старый друг Сальвини похож на дьявола не больше, чем любой другой человек! Он будет охотиться за тобой с теми же чувствами, с какими математик решает сложную задачу, не помышляя при этом о добре и зле!

Иосиф. Человек может не думать о добре и зле, но при

этом все время в них соучаствовать! Этот мир устроен так, что в нем нет безразличных вещей!

Лоренцо. Но есть разные точки зрения! Я, например, считаю, что сделал добро, привезя тебя в Рим и поселив в этом доме! А ты мне неоднократно заявлял, что эта жизнь и особенно занятия науками ежечасно толкают тебя к полной гибели! Кто из нас прав?

Иосиф. Вы смотрите на это снаружи, а я вижу себя изнутри! Для вас это — невинные занятия, а для меня — источник самомнения и гордости!

Лоренцо. Но эта гордость вполне оправданна!

Иосиф. Грех ничем не может быть оправдан! Мой ребенок учил, что гордость — самая худшая вещь на свете!

Лоренцо (*в сторону*). Но ты его слушал одним ухом!

Иосиф. Вы взяли меня сюда нищим и обращаетесь, как с родным сыном! А я ловлю себя на том, что начинаю разыгрывать из себя барина, грубить вашим слугам!

Лоренцо. Они это переживут! Ты просто устаешь от занятий!

Иосиф. Какое право я имею? Я хуже всех в этом доме, в этом городе!

Лоренцо. Ого! Ты берешься сравнивать, ты, стало быть, измерил всю глубину пороков и преступлений города Рима?

Иосиф. Достаточно знать себя самого! Падение надо мерить с той точки, откуда падают!

Лоренцо. А что же ты предлагаешь?

Иосиф. Отпустите меня, и я уеду!

Лоренцо. Ты очень непоследователен, мой мальчик! Это, мне кажется, свойство всех самобичевателей! Вчера ты рвался со мною в кругосветное путешествие!

Иосиф. Я знаю, что от себя никуда не уедешь!

Лоренцо. Вот и посиди здесь! А я, пожалуй, пойду к гостям!

Слуга (*входит*). Синьор, там пришел книготорговец!..

Лоренцо (*оживляясь*). Зови, зови его сюда!

Торговец (*входит, кланяется*). Синьор...

Лоренцо. Мой добрый синьор Арнольфини! Неужели мы можем поздравить друг друга с удачей?

Торговец. Да еще с какой! Старейший манускрипт трактата Петрарки «Об уединенной жизни»! Может быть, сам оригинал! В его существование отказывались верить! Но мы сделали невозможное!

Лоренцо. У меня сегодня день сплошных удач! (*Дает ему кошелек.*) Это условленное! (*Дает второй.*) А это вам за усердие!

Торговец (*низко кланяясь*). Спасибо, синьор, вы очень добры! За ним охотился такой известный коллекционер, как граф Барберини! Вот он будет раздосадован!

Лоренцо. Напротив! Он-то и обрадуется! Эта штука предназначена ему в подарок!

Торговец. Ну, дело ваше! Разрешите откланяться, а то час уже поздний!

Лоренцо. До свиданья! Я благодарен вам от всего сердца! (*Торговец уходит.*) Вот это находка! (*К Иосифу*) Подойди-ка посмотри!

Иосиф. Вы только и делаете, что добываете подарки для этого графа! Можно подумать, вы жить без него не можете!

Лоренцо (*смеется*). Пока еще могу! Учти, что граф умнейший, образованнейший и приятнейший человек!

Иосиф. А правду говорят, что он кого-то убил?

Лоренцо. Да что ты? Ну, если и так, то значит в самом благородном поединке! Вот завтра ты сходишь к нему в гости...

Иосиф. Я?!

Лоренцо (*небрежно*). Да, где-нибудь часа в два, его как раз в это время дома не бывает!

Иосиф. Зачем же я пойду?!

Лоренцо. Как зачем? Отнести наш подарок! А заодно смиреннейше попросить его супругу вернуть мне — что бы мне такое вернуть — а, вот эту книжку! (*Пишет записку.*)

Иосиф. Я ничего не понимаю!

Лоренцо (*гладит его по голове*). Охотно верю! Тебе бы скорее подошла китайская грамматика! Но и таким вещам ты научишься, будь спокоен!

Сцена шестая

В доме Лауры. Она сидит у стола с книгами и смотрит поверх них. Вокруг — произведения искусства и проч. Входит Мария.

Лаура. Ну, что на этот раз приказал тебе мой муж?